

Алексеева Г. Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е годы XX века). – М.: Ин-т российск. истории РАН, 2003. – 248 с.

История отечественной исторической науки XX в. содержит немало поучительных примеров того, каким образом знание о прошлом оказывалось вовлеченным в политические баталии настоящего. Его тесная взаимосвязь с официальной идеологией и государственной концепцией исторического развития страны, проявившаяся уже в первые послеоктябрьские десятилетия, свидетельствовала о формировании нового типа исторического познания. Им оказалась советская разновидность марксистской теории, приспособленная правящей партией к обслуживанию собственных политических нужд. Последствия такого рода методологических новаций хорошо известны и наглядно прослеживаются в развитии многих сюжетных линий, посвященных исследованию советского общества. Однако при более внимательном рассмотрении оно выглядит не столь однородным: внешнее единство профессиональных историков время от времени нарушается появлением отдельных непривычных работ, а то и целых исследовательских направлений. Именно на это обстоятельство неоднородности исторической среды и ее противоречивых отношений с официальной идеологией и государственной политикой в 1960–1980-е гг. обращается внимание специалистов в новой монографии Г. Д. Алексеевой.

Она является логическим продолжением ряда предыдущих исследований автора¹ и, вместе с тем, ставит ряд новых проблем. Среди них – формирование официальной концепции исторического прошлого и роли в нем личных пристрастий высшего руководства страны, ее влияние на историческое сознание общества, уровень профессиональной подготовки специалистов и его воздействие на развитие исторических исследований, проблема ограничительных мер по отношению к общественной науке. В работе исследуется снижение общего интереса историков в рассматриваемый период к теоретическим вопросам, засилье догматизма, следствием чего становится «упадок престижа науки, вмешательство в ее жизнь специалистов других областей знания», «уход специалистов в фактографию и описательность» (С. 21). В качестве основной причины такой ситуации автор называет «дискредитацию

¹ Алексеева Г. Д. Историческая наука в России в поиске новых концепций // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М., 1994; ее же. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М., 1996; ее же. Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука в России в XX веке. – М., 1997; ее же. История. Идеология. Политика (20–30-е гг.) // Там же; ее же. Некоторые вопросы развития исторической науки в 60–80-е гг. // Там же.

марксизма и ленинизма как теории и методологии изучения общества», что наиболее отчетливо прослеживалось в деятельности партии и обслуживающих ее обществоведов.

Теоретическое бесплодие советского варианта марксистской доктрины, которую Г. Д. Алексеева отграничивает от привычного для нас «марксистско-ленинского учения», во многом объясняется, по ее мнению, сокращением числа образованных марксистов как в руководстве партии, так и среди рядовых ученых. При этом автором даже не упоминается такой, казалось бы, очевидный факт, как безраздельное господство марксистских представлений (возможно, неверно понимаемых) в науке того времени, что естественно не могло не сказаться на качестве и проблематике исторических исследований в целом. Игнорируется и уничтожение сформировавшихся в дореволюционной России традиций отечественной историографии, существовавших тогда школ и направлений исследовательского поиска. А ведь именно они обеспечивают в большей степени не только преемственность в развитии науки, но и так необходимую ей общепрофессиональную культуру исследователя.

Значительный интерес вызывает предпринимаемая автором попытка разобраться в том, почему появление так необходимых в принципе новых идей не встречало поддержки среди самих историков, а отдельные теоретические прорывы так и не обрели своих многочисленных последователей в те годы. По мнению Г. Д. Алексеевой, проблема заключалась в приходе в науку «новой генерации историков с недостаточно высоким уровнем подготовки, со стремлением сделать карьеру путем устройства на руководящие места в научном аппарате, а не путем больших творческих достижений, как это было ранее». Большинство из них являлись историками партии, «агрессивное нашествие которых особенно усилилось после разгрома “нового направления”» (С. 59). Наряду с ними наука пополнялась и выходцами из провинции, чей низкий уровень профессионализма, общей культуры, «вплоть до типа поведения, культуры речи, общения» заметно меняли лицо академических коллективов (С. 60). Вполне естественно, что подобного рода явления снижали уровень научных исследований, придавая им по большей части официозный характер.

Однако внятного ответа на вопрос, насколько этот официоз был осознаваем историками, автор не дает и, вероятнее всего, дать не может. Практически невозможно определить ту тончайшую грань, которая отделяет профессиональные убеждения от идеологической зашоренности или преданности очередным «партийным начинаниям». В данной связи как-то совсем неубедительно выглядят рассуждения признанного специалиста, каковым и является автор, о личной корысти ряда служителей Клио, презревших высокие профессиональные интересы ради мелочной идеологической корысти. Непрофессионализм, холуйство и провинциальность в среде профессиональных историков – явления не исключительные и свойственные не только со-

ветской эпохе, хотя тогда их распространенность, безусловно, приняла угрожающие масштабы. А вот вполне осознаваемая лояльность официальной власти и разделяемые представления ее об идейно-воспитательных задачах советской исторической науки могли бы послужить темой для размышления над многими неудавшимися «прорывами» 1960–1980-х гг., несостоявшимися дискуссиями и забытыми идеями.

Автору удалось поднять многие болезненные вопросы, так или иначе затрагивающие глубинные составляющие творческой лаборатории историка, заставить задуматься над, казалось бы, уже разрешенными проблемами. В частности, еще раз взглянуть на положение исторической науки в современном российском обществе, попытаться честно ответить на вопрос о возможности или невозможности ее политической и идеологической ангажированности, вспомнить о плеяде полуграмотных руководителей страны, которые после смерти Сталина, по мысли Г. Д. Алексеевой, оказались не способны к каким-либо творческим новациям. На этом следовало бы остановиться, отметив, как принято в таких случаях, присущие исследованию недостатки, и выразить несогласие с отдельными положениями автора. Но, в сущности, поговорить хотелось бы о другом и, прежде всего, о том противоречивом впечатлении, которое остается после прочтения монографии.

Несмотря на ограниченность двумя десятилетиями минувшего столетия и узость поднимаемого круга проблем, она, на наш взгляд, имеет принципиальное значение для понимания и оценки нынешнего состояния исторической науки. Связано оно с авторским неприятием утверждающихся в отечественной науке подходов и оценок к историографическому наследию прошлого, что, впрочем, вполне обосновано и особого протеста вызывать не должно. Настораживает не сам факт несогласия с позицией отдельных исследователей, а достаточно резкая и некорректная форма его выражения. Упреки современному поколению историографов в профессиональном невежестве и «отсутствии корректности по отношению к своим коллегам и предшественникам», зачастую вполне оправданные, теряются на фоне рассерженной манеры их выговаривания, подчеркиваемой сознательным употреблением лишь фамилий отдельных из них (С. 53, 125, 126).

Более того, постоянно напоминая современному исследователю о его низком уровне профессионализма, отсутствии необходимой квалификации и добросовестности, автор допускает ряд непростительных оплошностей. В частности, рассуждая о пагубности плюрализма мнений, «в котором беспомощно барахтается научная истина в поисках выхода», Г. Д. Алексеева для подтверждения своей позиции ссылается на статью Л. Баткина и не только ошибочно указывает выходные данные поместившего ее сборника, но и вкладывает в нее прямо противоположный смысл (С. 199). Л. Баткин, призывавший к пуб-

личному сопоставлению взглядов, которое должно было бы стать обыденным способом существования общества¹, оказывается выразителем сомнительной идеи о «неплюралистичном характере научной истины». Та же ситуация наблюдается и с изложением позиции Г. А. Бордюгова, при цитировании которого автор опускает незамеченное слово и, в результате, вместо исходного «каждое поколение историков пишет свою историю»², критикуется «пишущее поколение» в целом (С. 205). И, наконец, не может не вызывать огорчения техническая сторона издания, содержащая изрядное количество ошибок и опечаток.

Согласно современным семиотическим исследованиям, история будет переписываться и впредь в силу присущих каждому последующему поколению «ее внимательных слушателей» новых вопросов к прошлому³. А вот удастся ли нам обрести непредвзятый и правдивый его образ, который стал для историков профессиональным кошмаром, покажет дальнейшее развитие науки. В 60–80-е гг. XX в. он был одним, сейчас он другой, и такое положение должно стать нормой: не потому, что кому-то «нравится Черномырдин или Зюганов» (С. 199), а потому, что таковы законы самого исторического жанра.

*Т. П. Хлынина, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
отдела истории Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований (г. Майкоп)*

¹ Баткин Л. Возвращение истории // Иного не дано. – М., 1988. – С. 163.

² Бордюгов Г. А. Вместо заключения. Каждое поколение пишет свою историю // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996. – С. 432.

³ Успенский Б. А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Избр. тр. – М., 1996.